

Пятьдесят лет на сцене

поднял на фотографа большие, внимательные глаза. Это бытовой снимок. Тут нет ни грима, ни парика. Но и на снимках, расположенных в соседстве, тоже можно заметить лишь небольшую дозу грима. Тут барон Тузенбах из «Трех сестер», Петя Трофимов из «Вишневого сада», шекспировский Ромео, Фердинанд из «Коварства и любви», Хлестаков. Но чем больше отдаляются снимки от фотографии худенького юноши, тем больше становится грима на лице, появляются парики, бороды. И вот, наконец, совсем иные роли. Даже в тех же самых пьесах. Из «Трех

сестер» уже запечатлен Андрей, из «Вишневого сада» — Гаев, из «Ромео и Джульетты» — Лоренцо, из «Коварства и любви» — Миллер, из «Ревизора» — Земляника.

Ну, что ж, это вполне естественно: с возрастом артиста меняется и «возраст» роли.

А вот снимки одних и тех же периодов. Седовласый Кутузов в белой бескозырке смотрит на зрителя мудрым пронзительным взглядом. Профессор Полежаев пристально устремил на собеседника живой, энергичный взгляд. А рядом плутовато ухмыляется Косме из «Дамы - невидимки» П. Кальдерона. И далее: московский металлург Егор Лутонин и генерал Стессель, профессор Петр Иванович из пьесы В. Розова «В добрый час!» и сатирически изображенный бездельник и пустобай Гуго из пьесы А. Токаева «Жонихи».

Это уже нечто совсем иное. Эти роли сыграны примерно в одно время, и возрастной признак здесь не имеет значения. А роли действительно очень не похожи одна на другую. И для того, чтобы сыграть их

правдиво, нужно обладать большим даром перевоплощения. Под этим словом не следует подразумевать обязательно абсолютное внешнее изменение. Говорить об актерском перевоплощении, это значит говорить о способности артиста войти во внутреннюю жизнь изображаемого человеческого характера. Говорят, актер подобен мичуринцу. На собственных чувствах, переживаниях, наблюдениях, привив к ним черты характера, изображенного драматургом, он должен взрастить плод, не похожий на себя.

Этот ценный дар перевоплощения рано проявился у Павла Абрамовича Гарянова. Быть может, в силу этого он и стал актером. Еще в отроческом возрасте, учась в ремесленной школе, он сыграл сваху в ученической постановке «Женитьбы» Н. В. Гоголя. Почему именно ему учитель поручил тогда исполнить эту роль, Павел Абрамович до сих пор не знает, но когда мальчик надел платье и загримировался, за кулисами среди товарищей поднялся неудержимый хохот. Мальчик обиделся и убежал. Учитель вернул его, успокоил и юный артист исправно выполнил свою нелегкую творческую задачу. По окончании спектакля, когда все участники вышли раскланиваться, учитель порекомендовал исполнителю роли свахи снять парик. Увидя мальчика, зал ахнул от изумления, раздался громкий смех и потом долго звучали буйные аплодисменты.

В дальнейшем — годы учебы в Киевской театральной студии под руководством М. Н. Старицкой, работа в театре знаменитого Н. Н. Синельникова помогли Павлу Абрамовичу развить врожденные склонности. Но приобретая навыки актерского мастерства, он не остудил пыл своего темпераментного воображения, способность глубоко проникнуться мыслями, чувствами изображаемого героя.

П. А. Гарянов написал книгу воспоминаний о своей жизни и работе. В ней он описывает один феноменальный случай. В начале двадцатых годов Социальный комитет партии послал в отдаленные горные селения актерскую агитбригаду. Комиссар бригады Кондратьев отправился

в путешествие со своим приемным сыном Васей. Во время долгих странствий мальчик заболел. Злокачественный карбункул поднял высокую температуру. Мальчик вял в беспомощности. Надо было срочно оперировать. К вечеру одного дня добрался до селения, где был медицинский пункт. Но оказалось, что врача, молва о котором шла по всей округе, нет дома. Остались только жена его и фельдшер. Фельдшер был пьян и заявил, что он не хочет быть в ответе, если с мальчиком что-нибудь случится, и поэтому наотрез отказывается что-либо делать.

А мальчику становилось все хуже. Тогда артист Гарянов сказал, что он знаком с хирургией и сделает операцию. Он умолчал о том, что его знакомство с медициной ограничивалось наблюдениями, вынесенными из госпиталя во время империалистической войны. Но он повел себя так правдиво, что даже жена врача, старая опытная медицинская сестра поверила в то, что он хирург. Он мобилизовал всю силу своего воображения, все запасы своих наблюдений и не только убедил других, но и сам в тот момент верил, что он хирург.

Жена врача быстро приготовила инструментарий и медикаменты. Артист зорко наблюдал за ней. А та, сама не подозревая, подсказывала всем своим поведением, что нужно делать. И когда медицинская сестра объявила, наконец, что все кончилось благополучно, «хирург» сам повалился на землю в полуобморочном состоянии. И пока мальчик окончательно не оправился от болезни, новоиспеченный хирург боялся признаться своим товарищам, что он первый раз в жизни держал скальпель в руках.

— Я сыграл эту необычайную «роль» потому, что страстно хотел помочь мальчику, — вспоминает Павел Абрамович. — И на сцене тоже больше всего удается роль тогда, когда ты страстно, всеми силами души хочешь добиться своей игрой поставленной цели. Не просто хорошо исполнить роль, а помочь людям в их борьбе, в работе, в жизни. Настоящий артист должен играть на сцене кровью своего сердца.

И это страстное желание оказать исполнением роли свое влияние на ум и чувства людей, подсказать им нужное поведение, поступки, мобилизовать и направить силу

их любви или гнева сопутствует лучшим ролям П. А. Гарянова.

Этим объясняется, в частности, его успех в исполнении таких ролей, как профессор Полежаев, фельдмаршал Кутузов. П. А. Гарянов играл их в начале Великой Отечественной войны. Фашистские полчища вторглись в пределы нашей Родины. И вот на сцене седой, колочий старик, великий ученый, но признанный парским чиновником от науки. Прозвучал телефонный звонок. Резко, раздраженно отвечает Полежаев. Но как преобразается он, какой молодостью загораются его глаза, когда узнает, что с ним говорит В. И. Ленин!

...Красногвардейские отряды уходят в бой на врага. Больной Полежаев распаивает заделанное на зиму окно и говорит:

— Я уже не могу держать винтовку в руках, но мысленно я с вами. Всей кровью своего сердца я с вами. И пока перо не вывалится из пальцев, пока глаза различают буквы, я по-прежнему буду биться с врагом и защищать революцию...

А вот мудрый полководец великий русский патриот Кутузов. Обращаясь к солдатам, он говорит:

— Солдат российский, гони врага, чтобы ни одного на нашей русской земле священной не оставалось!..

Личные чувства и убеждения артиста здесь органически сливались с мыслями и чувствами сценических героев и образы, созданные П. А. Гаряновым в этих спектаклях, запомнились зрителям.

...П. А. Гарянов шел из театра домой. Группа молодежи пересекла улицу Спартака. Широкоплечий, ясноглазый юноша, остановив товарищей, тихо сказал:

— Подождите, — и пошел навстречу, увлекая за собой остальных.

— Товарищ Гарянов, — заговорил юноша. — Мы едем на фронт. Мы помним вас в роли Полежаева. Помним, как он прощался с красногвардейцами.

Артиста тесно окружили, жали руки, а он стоял, еле сдерживая накатывающиеся на глаза слезы.

Такие встречи, такие минуты очень дороги для артиста. Они говорят о том, что его труд не пропадает даром. Пусть плоды его творческих переживаний не оставляют материальных следов, но они живут в серд-

цах и думах зрителей. А это самое дорогое.

Одной из любимых ролей Гарянова является роль Егора Лутонина. «Семья Лутониных» — пьеса не безупречная. Но роль Лутонина П. А. Гарянов сыграл в этом спектакле проникновенно, волнующе.

Вот сидят на сцене два представителя старой московской пролетарской гвардии — Лутонин и Рябчиков и ведут душевную беседу.

— А помнишь, Савушка, — говорит Лутонин, — в десятом нашу первую маевку?

— А в семнадцатом, Егор, как мы в Крутицких казармах юнкерам ультиматум предъявили!.. А Кремль, Кремль как брали!..

— А помнишь, как Владимир Ильич к нам на завод приезжал? Пройдут, дескать, годы, и десятки миллионов людей во всем мире поднимутся, как один! И вот сбылись, сбылись его слова! И уже не на десятки, на сотни миллионов счет нынче пошел.

— Да, Егор, можно сказать, хороший мы век прожили.

— Как, прожили! — вдруг восклицает Лутонин. — Нет, не прожили еще. Живем. Работаем. Чугун стране даем. А может еще такое сообразим, что вся металлургия дыбом встанет!..

Образ старого рабочего, коммуниста дорог и близок артисту. В нем он старался показать величие и благородство рядового советского труженика, строителя новой, коммунистической жизни.

Семьдесят лет прожил П. А. Гарянов. Пятьдесят лет он работает на сцене. Но, как Лутонин, он еще полон творческих сил, дерзаний и, подобно ему, может сказать:

— Нет, еще не прожили мы свой век. Живем. Работаем. Играем. А может еще! такое сообразим!..

— Вот только бы наши драматурги подтянулись, — говорит Павел Абрамович. — Так хочется сыграть настоящую, полнокровную роль советского человека! Вель люди-то какие у нас! О любом можно героическую пьесу написать.

В. ВОХМИНЦЕВ.

На снимке: заслуженный артист РСФСР П. А. Гарянов.

Фото А. Ходова.

ЧЕЛОВЕК НА СЦЕНЕ
П. А. ГАРЯНОВ
13 МАЯ 1950